

Соседка

Житейская история с детективным сюжетом

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Татьяна Василевская

Татьяна Михайловна Василевская

Соседка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40738187

SelfPub; 2019

Аннотация

У каждого в жизни свои сложности. Леля пытается приспособиться к новой школе, к новому городу, к новой жизни. Капитан Ерохин расследует дело серийного маньяка, одновременно стараясь разрешить непростые семейные отношения. У убийцы свои трудности: не допустить ошибку, тщательно скрывать собственных демонов, чтобы не попасть в руки закона. Детектив – в какой-то степени. Но, в первую очередь, книга о взаимоотношениях и о чувствах. Первая любовь, дружба, преодоление себя и умение увидеть и понять того, кто находится рядом. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	32
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	57
Глава 7	63
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дорогой читатель! Чтобы не вводить никого в заблуждение, позволю себе несколько слов, перед тем как Вы приступите, а, возможно, и не приступите к прочтению данной книги. Если Вы любитель остросюжетных произведений, в которых события развиваются быстро, стремительно и с каждой страницей сюжет становится все запутаннее, напряженнее, и по спине пробегает легкий холодок, а сердце замирает, что же там такое случится дальше?! Увы, эта книга, навряд-ли оправдает Ваши ожидания. Расследование, появляющиеся на страницах книги трупы, маньяк, блуждающий по улицам города и выискивающий очередную жертву – все это, проходит параллельно, причем, где-то на втором плане основной нити повествования о жизни, чувствах и взаимоотношениях героев книги. Первая любовь, переживания, дружба, разочарования, радости и ожидание чего-то хорошего – в основном, книга именно об этом. Житейская история с детективной приправой.

—

Мы все носим маски. Кто-то надевает их, чувствуя свою уязвимость, кто-то не хочет выставлять себя на всеобщее обозрение, а кто-то всеми силами пытается скрыть свою истинную сущность. Одни меняют их постоянно, другие всю жизнь используют наиболее понравившиеся и удобные. Порой, мы так сживаемся с ними, что уже сами не знаем, что там под ними на самом деле. Как узнать, как разглядеть под маской, того кто находится рядом? И как

узнать, кем являешься ты сам? Что скрывает та или иная маска? Ранимую душу, боящуюся испытать боль и разочарование, невероятную силу духа, незаметную в повседневной жизни и проявляющуюся только когда того требуют обстоятельства, или же маска, кажущаяся вполне безобидной, ничем не отличимой от множества других таких же, таит под собой чудовище, ожидающее своего часа, чтобы вырваться наружу? Кто ты, маска? Я тебя знаю? Ты себя знаешь?

2000г. август

Откуда-то из глубины подвала доносится звук падающих капель. «Кап, кап, кап», – с равномерными интервалами, делающими звук невыносимым, страшным, сводящим с ума. Над входом и под потолком в дальнем конце тускло горят, спрятанные, в решетчатые колпаки, напоминающие маленькие клетки, лампочки аварийного освещения. В воздухе застоявшийся, затхлый запах сырости и плесени. На проржавевших трубах легонько колышутся, свисающие длинной бахромой, мохнатые, жутковатые клоки многолетней пыли. Раздается лязганье отпираемого замка, и дверь, ведущая на улицу, приоткрывается, впуская свет, образовавшийся на пыльном полу перед входом вытянутый, почти белый, прямоугольник. Секунду спустя дверь снова захлопывается. Осторожно ступая, от только что закрывшейся двери, начинает приближаться темная фигура, почти не различимая в скудном свете. При виде надвигающейся фигуры серд-

це подпрыгнуло и понеслось, разгоняя кровь с бешеной скоростью. Из всех чувств остались только страх и сожаление. «Почему?!». По щекам скатились бесполезные, не способные ничего изменить слезы. «Неужели все закончится сейчас? Закончится так?! Нет, нет, нет! Пожалуйста! Я не хочу!...». Из груди рвется тоненький, отчаянный, писк. «Не нужно! Пожалуйста!...»

Глава 1

1998г. февраль

Болельщики встали со своих мест. Десятки, сотни улыбающихся лиц обращены к ней. Люди машут руками, выкрикивают ее имя. Трибуны ревут, от охватившего их восторга, рукоплещут. Соперники остались далеко позади. Она бежит вперед, летит над землей. Такая быстрая, легкая. И очень-очень красивая...

– Федоренко! Федоренко!!! – холодные, светлые глаза, похожие на две льдинки, сверлят новенькую недовольным, неприязненным взглядом. Поджав губы, Раиса Владимировна делает еще пару шагов вперед и стучит указкой по парте, витающей в облаках ученицы. Весь вид математички, говорит о крайней степени возмущения. – Федоренко! Чем ты занимаешься на уроке, скажи? Ты бы лучше о математике думала, чем мечтала о всякой ерунде. – Блекло-голубые ледышки буравят испуганно подскочившую на стуле ученицу, позволившую себе, забыть про тригонометрические функции, и погрузиться в собственные мечтания. – Ты на уроки ходишь, чтобы знания получать или заниматься всякими глупостями, мечтать о мальчиках или еще, о каких-нибудь глупостях? У тебя по математике, и так, прямо скажем, успехи не блестящие. Так ты еще позволяешь себе сидеть и не слушать...

– Новенькая, наверное, представляла, как она в конкурсе «Мисс мира» участвует. Успела победить Федоренко? Корону дали? – давясь от смеха, выкрикивает с соседнего ряда штатный остряк 8 «Б» Степанов. Класс оживает, реагирует на комментарий с задором, и воодушевлением, шумно радуясь возможности отвлечься от ненавистных синусов, косинусов, тангенсов и котангенсов и, переключиться, на куда более приятную возможность развлечься и повеселиться. Слышится смех, шепот, злорадное хихиканье. Новенькая заливается краской, в глазах тоска. Раиса Владимировна снова стучит указкой по парте.

– Тишина! Степанов! Тебе никто слова не давал. Хочешь высказаться иди к доске.

Юморист Степанов тут же ныряет носом в тетрадь, низко склонившись над нею с выражением сосредоточенности и крайней заинтересованности на лице. Высказываться у доски у него нет ни малейшего желания. Он, как и новенькая, с математикой не слишком дружит. Раиса Владимировна одаривает любительницу помечтать еще одним недовольным, полным раздражения взглядом, после чего возвращается к своему столу. Одни проблемы с этой новой девочкой. И так половина класса еле-еле с двойки на тройку перебивается, так теперь еще одна прибавилась. Почему не переводят умных, хорошо успевающих детей, а одних бездарей? Сплошные лентяи, тупицы и посредственности. Восьмой класс, а некоторые, спроси, таблицу умножения не знают. Как эк-

замены сдавать будут, вообще непонятно. Раиса Владимировна привычным жестом разглаживает прямую темно-синюю юбку из тонкой шерсти, поправляет идеально сидящий, строгий, элегантный пиджак и усаживается за стол. Взгляд снова упирается в новенькую – просто наказание какое-то! Эта девочка – случай, совсем тяжелый! Она страшно действует учительнице математики на нервы, причем постоянно. Мало того, что более чем посредственная ученица, так вообще одно сплошное недоразумение, абсолютно во всем. Неуклюжая, какая-то вся невзрачная, неловкая. Говорить вятно и четко не умеет. Вызовешь отвечать, пыхтит, вздыхает, бубнит под нос, ничего не разберешь, или и вовсе глаза вытаращит и застынет, как будто в ступоре. И во время урока, вечно сидит с отсутствующим видом, ничего вокруг не замечает. И тихая, вроде, а раздражает хуже болтунов и хулиганов. Раиса Владимировна с некоторой брезгливостью покосилась на несуразную фигурку, сидящую за предпоследней партой, и, повернув голову, так, чтобы новенькая не попадала в угол обзора, продолжила объяснение новой темы.

Прозвенел звонок, класс, толкаясь, вопя, визжа и хихикая, небольшой лавиной, одновременно рванул к двери. Раиса Владимировна проводила учеников неприязненным взглядом. Великовозрастные недоумки! Просто невероятное терпение нужно иметь!

Как обычно, в дверях возникла давка. Крики, хихиканье, ругань становятся громче. Довольно невинные возмущен-

ные высказывания, перемежаются с матерной бранью. Раиса Владимировна закатила глаза. После каждого урока, полное ощущение, что в школе учатся одни слабоумные и малолетние уголовники. Позади всех, в гордом одиночестве, к двери плелась новенькая, никого не толкая, не пихая, не стремясь принять участия в общей свалке у двери. Но это, странным образом, вызвало еще большее раздражение математички. Тихая, даже воспитанная, а эмоции вызывает исключительно негативные и неприязненные. Сумка болтается на плече как-то кособоко. На колготках дырка. Одета, видно, что в хорошие, дорогие вещи, но вся какая-то помятая, нескладная, все на ней топорщится, не сидит как надо. Ноги шаркают по линолеуму, как у старухи. Раиса Владимировна брезгливо поморщилась. Ужас!

—

Следующей по расписанию шла физкультура. Два урока. На улице, к счастью, был плюс один. Снег потихоньку начал таять, даже, местами ручейки побежали, прямо как весной. Так что, в связи с погодными условиями, пытка с лыжами, и соответственно очередная порция позора, отменялась. На прошлом уроке, увидев, что новенькая совсем не умеет кататься на лыжах, физрук громогласно заявил: «Федоренко, ты же сибирячка, как же ты на лыжах ходить не умеешь?». После чего хлопнул Лелю по спине, так, что она едва в очередной раз не свалилась, и заржал, громко и радостно. Ухмыляющиеся одноклассники с не менее радостной готовностью

присоединились к развеселившемуся учителю. Леля, стора от стыда и злости, еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Очевидно, физрук пребывал в полной уверенности, что жители Сибири рождаются, если и не прямо сразу на лыжах, то уж точно с обязательным умением на них кататься. А этим, которые ее одноклассники, только повод дай над чем-нибудь посмеяться или поиздеваться.

Лыж сегодня не будет, но зато целых два урока подряд они будут заниматься в зале. А это тоже удовольствие еще то. К примеру, расстроенный тем, что не удалось провести день на свежем воздухе, а не в душной школе, физрук заставит сейчас их все два часа, прыгать через козла. И сказать, что хуже – лыжи или козел, довольно сложно. Кто вообще придумал эту раскоряченную монстроподобную конструкцию, по какой-то непонятной причине признанную спортивным снарядом, умением прыгать через который обязан овладеть каждый школьник? Что развивает перепрыгивание через это растопыренное чудовище, кроме чувства страха, что сейчас переломаешь ноги или опрокинешь его на себя и опять же, что-нибудь себе переломаешь или в лучшем случае отобьешь? Кому, скажите на милость, в дальнейшей жизни может пригодиться умение скакать через этого самого козла? Не считая, естественно, каких-нибудь секретных агентов, типа Джеймса Бонда, которые по триста раз на дню преодолевают невообразимые препятствия, или профессиональных спортсменов. Большинство школьников, в дальней-

шем не станут секретными агентами, и не устремятся покорять олимпийские вершины. Тогда зачем? Чтобы те, кто не отличается особой ловкостью и недостаточно спортивен, лишний раз почувствовали себя неуклюжими и неполноценными, и подверглись дополнительной порции унижительных насмешек со стороны более прыгучих и наделенных большими способностями в области физкультуры одноклассников? Дети, и особенно подростки, и так достаточно злые и жестокие, и готовы нападать и издеваться по любому поводу на более слабых, неумелых, не таких как они сами, таким образом, самоутверждаясь и показывая свое безусловное превосходство.

Леля обреченно направилась в сторону раздевалки для девочек.

– О, Федоренко идет! Смотрите все! Звезда мирового спорта! Ну, что Федоренко, сейчас покажешь себя на физре? Может, ты прямо по залу на лыжах пробежишься, покажешь высший класс? Ты же сибирячка, Федоренко! – радостное лицо Степанова расплылось в улыбке до ушей.

– Степанов, тебе просто нравится клоуна изображать или ты боишься, что все увидят, что ты сам, ничего из себя не представляешь, если не будешь постоянно отпускать неумные, гадкие шутки? – Леля твердо посмотрела на одноклассника.

– Че! – улыбка сползла с веснушчатого лица, и Степанов воинственно двинулся в сторону новенькой. Лицо у него ста-

ло злобным. – Шас, Федоренко, как врежу!

– Давай, рискни! Только пальцем до меня дотронешься – я тебя убью, Степанов! Понял! – серые глаза переполненные гневом в упор посмотрели на раздувающегося от возмущения острослова. Лицо такое решительное, что Степанов, нервно облизав губы, отступил на шаг назад. Потоптавшись, он с несколько растерянным видом отправился в сторону раздевалки для мальчиков.

– Больная!... – уже в дверях раздевалки огрызнулся он, но уже без прежнего воодушевления, а даже как-то с некоторой опаской.

Леля посмотрела, как вечно насмехающийся над ней Степанов зашел в раздевалку, после чего, с гордо поднятой головой, пошла в свою, для девочек. Маленькая, но победа. Руки у нее слегка подрагивали. Сердце стучало быстро-быстро. Она сама не ожидала, но произнесенная ею угроза подействовала. Ненавистный ей Степанов, своими шуточками превративший ее и без того непростую жизнь в новой школе в настоящий ад, отступил, ретировался, позорно сбежал. Она смогла дать отпор, постоять за себя. Осталось примерно так же или какими-то другими способами разрешить еще миллион и одну проблему, и тогда, наверное, пребывание в стенах новой школы станет для нее вполне сносным. Леля вдохнула поглубже и вошла в раздевалку, где ее встретили полтора десятка насмешливых, даже в какой-то степени, враждебных пар глаз девочек из ее 8 «Б». «Я смогу! Про-

сто, нужно не обращать внимания», – повторила несколько раз про себя Леля, стараясь не смотреть на недружелюбно настроенных одноклассниц.

Глава 2

Входная дверь стремительно распахнулась и в квартиру, как маленькое торнадо, как всегда моментально наполняя пространство вокруг себя кипучей, бьющей через край деятельной, созидательной энергией ворвалась Алла Сергеевна Федоренко. Чрезвычайно импульсивная, неугомонная, беспокойная по натуре, она в данный момент, была явно взбодражена и взволнована чем-то сильнее обычного. Большие, серые глаза буквально пылали на красивом, утонченном лице неукротимым огнем, тонкие брови слегка нахмурились. Сняв элегантное темное пальто с пушистым, запорошенным снегом воротником, Алла Сергеевна с воинственным видом встряхнула его с такой силой, что снег разлетелся по прихожей во все стороны. Алла Сергеевна, с видом полководца, только что прошедшего важное сражение, решительно направилась в сторону кухни, на ходу звонким, хорошо поставленным голосом, обращаясь к домочадцам.

– На улице все замело. Ужас! Картошку сварили? Умираю с голоду. Все на кухню! Сейчас будем ужинать. Я принесла курицу гриль и пироги с мясом.

Пять минут спустя, вся семья расселась за столом. Алла Сергеевна быстро и ловко разложила еду по тарелкам.

– Вадик, ты опять читаешь во время еды. Неужели нельзя нормально поесть? – с легким упреком обратилась хозяйка

дома к мужу, ставя перед ним тарелку.

– Извини, – не отрываясь от чтения, толстого научного труда по нейрохирургии, рассеянно ответил муж, полностью погруженный в содержание книги. – Нужно коллеге вернуть через два дня. Хочу успеть прочитать. Очень много интересного...

Губы Аллы Сергеевны тронула немного насмешливая и в то же время нежная улыбка. В этом весь ее супруг. Ничего вокруг не видит, ничего не замечает, стоит только взять в руки какую-нибудь книгу по медицине или журнал.

– Приятного аппетита, – усаживаясь за стол, пожелала Алла Сергеевна мужу и дочерям. Девочки ответили: «Спасибо!», муж с отсутствующим видом поблагодарил жену кивком головы.

Леся, уткнувшись взглядом в тарелку, с хмурым видом разглядывала ее содержимое, ковыряя вилкой, курицу и картошку. Видя, что мать взволнована, она с опаской ожидала момента, когда начнется рассказ о том, как прошло ее посещение школы. Отец, очевидно тоже вспомнив, что жена вернулась с мероприятия, которые она терпеть не могла, считая их пустой, бессмысленной тратой времени, на мгновение оторвался от чтения и спросил:

– Ну, как прошло родительское собрание? – глаза у него были смеющиеся, в них задорно прыгали веселые искорки, придавая лицу озорное, мальчишеское выражение.

Тонкие брови жены взлетели вверх. Рот округлился. Бро-

сив быстрый взгляд на младшую дочь, и прикинув, насколько педагогично высказывать в ее присутствии свое истинное впечатление, Алла Сергеевна вздохнула. Эмоции победили, и, наплевав на педагогичность, она с нескрываемым раздражением произнесла:

– Никогда не могла понять, зачем люди выбирают профессию, которая совершенно им не подходит, и которую они не любят!

Муж склонился над тарелкой, пряча улыбку. Леля тоже склонилась над своей тарелкой, чуть не уткнувшись в нее лицом. Мама, как всегда, в своем репертуаре. Наверняка, высказала всем учителям, имевшим неосторожность явиться на собрание, всю правду-матку, причем в своей крайне интеллигентной манере, образованной, хорошо воспитанной женщины, доктора наук. Училки, совершенно точно, в восторге! Теперь хоть вообще в школу не ходи. Мало ей тех проблем, что уже были.

– Классная руководительница полчаса рассказывала о каких-то нововведениях в системе образования и о правилах поведения учеников во время занятий и на переменах. – Тем временем начала делиться впечатлениями мать. – Причем, что там нового, а главное, нужного и полезного, в системе этого самого образования, убейте меня, я понять не смогла. Ровно тридцать минут, двадцать пять взрослых, занятых людей, большинству из которых пришлось отпроситься с работы, чтобы успеть поприсутствовать на данном мероприя-

тии, начавшемся, по непонятной причине, в то время, когда у основной части работающих, как раз, только заканчивается рабочий день, слушали три десятка вариаций одних и те же фраз ни о чем, говорившихся разными словами. – Алла Сергеевна фыркнула и обвела взглядом присутствующих, очевидно, желая убедиться, что семейство в достаточной степени возмущено услышанным. – Это просто возмутительно! Чтобы послушать о том, что моей, почти шестнадцатилетней дочери, нельзя бегать по коридорам во время перемены, и курить на территории школы, как во время перемены, так и во время уроков, и вообще никогда, мне пришлось перенести прием двух пациентов. А у них не какое-нибудь ОРЗ. Эндокринная система вещь серьезная и с заболеваниями связанными с ее нарушениями шутить нельзя! – Алла Сергеевна энергично помахала рукой, выражая, таким образом, переполнявшее ее возмущение и крайнюю степень недовольства. – А после того, как закончилось это, с позволения сказать, переливание из пустого в порожнее, ни о чем, на помощь классной руководительнице, которой, очевидно, больше нечего было сказать родителям учеников ее класса, явилась учительница математики. – Алла Сергеевна закатила глаза и передернула плечами. – Эта женщина, несомненно, просто ненавидит детей. И родителей, кстати, тоже.

Муж отложил книгу и смотрел на жену, улыбаясь, уже не пытаясь скрывать охватившего его веселья. Она была так хороша, когда злилась. Каждый раз, чувствуя несправед-

ливость или неправильность происходящего, жена яростно бросалась отстаивать правду, интересы обиженных, обделенных. Благодаря своей кипучей энергии, твердости и силе характера, маленькая хрупкая Алла Сергеевна делала это так решительно и с такой настойчивостью, что только искры летели, и те, кто своими нелюбезными и не вполне достойными действиями вызывал ее праведный гнев, обычно, трусливо поджимали хвосты и ретировались, сдаваясь на милость победителя. Алла Сергеевна вполне могла олицетворять образ рыцаря в сверкающих доспехах, стоящего на страже правды и справедливости. Заметив взгляд мужа, она тоже улыбнулась.

– Тебе смешно, а эта женщина учит нашу дочь и других детей! – Алла Сергеевна взглянула на Лелю, как будто проверяя, не успела ли математичка нанести непоправимый урон психике ее девочки. Девочка сидела с окаменевшим лицом и стеклянным взглядом. Хуже уже вообще ничего и быть не может. После общения математички с мамой, можно, на самом деле, просто больше не ходить в школу. Жизнь ее закончена, Раиса Владимировна теперь ее со свету сживет. Почему именно ей приспичило прийти на собрание? Леля едва сдержалась, чтобы не застонать.

– Ну, и чем же она так страшна, женщина, обучающая нашу дочь? – посмеиваясь, спросил отец.

– Эта Раиса, как там ее, я отчество забыла, – мать наморщила лоб и взглянула на Лелю. – Вечно я не могу запомнить

ничьих отчеств... Леля, ну напомни Раиса...

– Адольфовна, – буркнула Леля. Алла Сергеевна посмотрела немного удивленно.

– Мне казалось, у нее какое-то другое отчество. Что-то простое... – красивые губы растянулись в улыбке, и мать засмеялась звонким, мелодичным смехом. – Шутишь, да?! Ну, надо сказать ей бы и впрямь подошло. Я, конечно, понимаю, что в присутствии ребенка не слишком этично обсуждать учителя. Но эта твоя Адольфовна просто вывела меня из себя! Она налепила на детей, причем на всех, и, причем раз и навсегда, некие ярлыки. Она уверена, что дети не могут измениться, начать лучше вести себя, лучше учиться и, видимо, вырасти нормальными людьми, по ее мнению, они в принципе тоже не могут. Поэтому совершенно не стоит прикладывать усилия и тратить свое драгоценное время и нервы в попытке, что-то делать, учить их чему-то, кроме тригонометрических функций и умения вычислять площадь круга. Она не воспринимает их как личностей. Они все для нее тупицы, невоспитанные, ленивые, отравляющие ее существование. Досадное, неприятное недоразумением присутствующее в ее жизни. – Алла Сергеевна взглянула на домочадцев горящим, непримиримым взглядом. Щеки у нее разругались. – Но ведь ты же педагог, в конце концов! Твоя задача в том и состоит, чтобы учить детей не только предмету, но и тому, как расти умственно и морально. Помогать им войти во взрослую жизнь не с сознанием, что они пустое место, ту-

пицы и ничтожества, а с пониманием, что человек, если приложит усилия и будет твердо идти к цели, обязательно добьется того, чего хочет. – Алла Сергеевна гневно потрясла в воздухе кулачком. – Она не желает признавать, что у каждого ребенка внутри свой внутренний мир, свои особенности и к каждому нужен свой подход. Дети чрезвычайно ранимы и восприимчивы, ничего не стоит, в возрасте, когда стирается грань между детством и взрослой жизнью, нанести непоправимый вред, создать неправильное представление о мире и неправильное отношение к нему, зародить комплексы и искалечить психику ребенка. Я так ей и сказала!

Леля втянула голову в плечи и, в очередной раз, едва не застонала. Ну, точно, все как она и думала, а может даже еще хуже. Мать-правдолюбка, как всегда, не промолчала. Выдала математичке все, указала на ошибки, наставила на правильный путь. Завтра начнется такое, что все предыдущие неприятности, с которыми Леля уже столкнулась в новой школе, покажутся милыми пустяками!...

– Дети, говорит, невоспитанные, вести себя не умеют. Абсолютно не развитые, ничего не воспринимают. Учиться не хотят. Самый ужасный класс за все время ее преподавания в школе. – Серые глаза вновь гневно сверкнули. – Ну, так научи их, заинтересуй тем, что преподаешь! Сделай их самым прекрасным классом! Приложи усилия! Попробуй хоть немного человечности проявить, а не быть бездушным роботом! И тогда и дети станут лучше и послушнее, и может

учиться начнут. А потом, после того, как она всем скопом, причислила всех к разряду тупиц и недоумков, – Алла Сергеевна вновь посмотрела на собравшихся. На этот раз лицо у нее было как у трагической актрисы, во время сцены, где случается что-то страшное и при том совершенно невероятное, – она и вовсе принялась пофамильно, прямо по списку, выдавать в присутствии всех, про каждого ребенка самые неприятные и гадкие подробности – этот такой, а этот растакой. И абсолютно все дети, судя по ее словам, не только глупые и нерадивые ученики, а просто маленькие монстры и чудовища. Мне даже показалось, что она удовольствие получала, глядя, как мамы и папы, сами как школьники, взгляды в парты уткнули, и сидят красные, пыхтят. После того, как она про пятерых или шестерых учеников рассказала все возможные гадости, я не выдержала. Зачем же, говорю, Вы такие, на мой взгляд, личные, и прямо скажем, несколько преувеличенные и приукрашенные Вашим собственным негативным отношением, подробности, при всех обсуждаете? Неужели, говорю, Вы считаете, что кому-то из родителей приятно, когда про его ребенка подобные вещи при всех говорят?

– А она, как отреагировала? – со смехом спросил муж. Алла Сергеевна тоже весело рассмеялась.

– А она глаза вытаращила, и все родители, кстати, тоже. Уставились на меня, как будто я предложила на следующее собрание всем костюмы зайцев надеть или каждому по

анекдоту подготовить и рассказать. Одним словом, эта Раиса Адольфовна, когда из ступора вышла, ледяным голосом поинтересовалась, что же я, в таком случае, предлагаю. Я, естественно, сказала, что для подобных разговоров нужно родителей вызывать на приватную беседу. Один на один. Она меня таким взглядом смерила, прямо, удивительно, что совсем не заморозила своими ледяными глазами. А Вы, спрашивает, чья мама? Я фамилию назвала, так она снова очень странно на меня посмотрела, мне даже не по себе стало. Но про детей, все эти неприятные вещи, она говорить перестала. Раз некоторые родители против, говорит, и на меня так глазками ехидно, раз, то я буду вызывать, тех с кем мне нужно будет побеседовать на приватную беседу. И снова на меня с таким злорадством зыркнула. Ну, в общем, после собрания, я к ней подошла, узнать, как там дела у Лели. А она заявила, что даже не представляет, как Лелька экзамены сдаст. Представляете?! Ваша дочь, говорит, видимо к математике, вообще, не способна, но она еще и во время уроков не слушает. Сидит с отсутствующим видом и мечтает. Вы бы, говорит, побольше внимания девочке своей уделяли. Ребенок очень сложный. Это Лелька-то сложный ребенок! – Алла Сергеевна в очередной раз возмущенно фыркнула, но потом с тревогой посмотрела на дочь. – Леля, скажи, тебя что-то волнует? У тебя какие-то проблемы? Ты, ведь и правда стала учиться хуже. Я все думала – это из-за переезда, что тебе освоиться нужно на новом месте... Леля, детка...

– Ой, мам, в любой школе есть такая противная училка, – беззаботно махнула рукой старшая Лелина сестра Дина. – Вон, химичка меня терпеть не могла. Вечно ко мне приди-ралась.

– Почему же ты никогда ничего не говорила? – на лице матери отразилось искреннее недоумение. – Я думала, ты просто химию не любишь. Не твой предмет. Каждому, что-то не дается. Кому химия, кому рисование, кто-то сочинения писать не умеет.

На красивом личике Дины сверкнула белозубая улыбка. Она рассмеялась, очень похожим на мамин, смехом звонкого колокольчика.

– Я же знала, что ты непременно ринешься меня спасать. Бросишься защищать свою кровинку, свое чадо от злобной, предвзято относящейся к ней химички. Поэтому и не говорила. – Дина пожала плечами. – Ну и ничего, не съела она меня, и ни какие комплексы мне не привила.

Алла Сергеевна пожала плечами. Тонкие брови вновь нахмурились.

– Хочешь сказать, теперь эта Адольфовна начнет отыгрываться на Леле из-за того, что я сказала ей правду? – голос звучал скорее недоверчиво, чем встревоженно. Алла Сергеевна была не только отчаянным борцом за правду и справедливость, но также и неисправимой оптимисткой и даже идеалисткой. Она пребывала в полной уверенности, что разумный человек, а преподаватель, какой бы он не был, несо-

мненно, разумный человек, всегда воспринимает критику не с агрессией, а позитивно. Делая соответствующие выводы, и стараясь исправить ошибки, на которые ему указали, и измениться к лучшему, а не озлобляться еще сильнее и уж тем более не опускаться до мелочной мстительности. Наивный идеализм Аллы Сергеевны был также непоколебим, как и вера в то, что справедливость нужно отстаивать всегда и во всем, не сдаваясь и не отступая. Изю всех сил и возможностей.

– Конечно, нет, – Дина насмешливо посмотрела на сестру. – Она ни в коем случае, не станет отыгрываться на Лельке. После беседы с тобой, она будет просто тихо ее ненавидеть. Про себя, не высказывая своей ненависти вслух. Она же, наверняка, поняла, что ты настойчивая мама, да к тому же еще и решительная и не поленишься явиться в школу для еще одной приватной беседы, и возможно даже уже не такой приватной, а в присутствии директора школы.

Алла Сергеевна с сомнением посмотрела на старшую дочь и покачала головой.

– Да ну, ерунда. Она и так всех детей терпеть не может. Но она все же взрослый человек, образованный и неглупый. Не может же она и впрямь затаить обиду на ребенка и начать к нему хуже относиться из-за того, что родитель этого ребенка высказал ей свое мнение. Ты преувеличиваешь.

Дина, посмеиваясь, пожала плечами. Мать и впрямь не исправима. Леля продолжала сидеть с каменным лицом, моля про себя, чтобы эта затянувшаяся тема школы поскорее уже

закончилась, и разговор переключился на что-то другое. Но мать, вероятно решив, что супруг, как отец и глава семьи, тоже должен поучаствовать в обсуждении животрепещущего вопроса и высказаться, обратилась к нему.

– Ну, а ты, что скажешь?

Муж нежно посмотрел на свою воинственную жену, зорко стоящую на страже добра, правды и справедливости.

– А, что я могу сказать? Все в школе сталкивались с непониманием и с противными учителями, Динка правильно говорит. – Он засмеялся. – Меня, например, учительница физики указкой по голове била. И ничего, вырос, как видишь. Даже институт закончил и интернатуру, и ученую степень защитил, хотя она и орала, что я олух царя небесного и таких бездарей как я свет не видывал. Прочила мне всю жизнь метлой махать или кирпичи разгружать на стройке, если такого тупицу, кто-то вообще согласится взять на работу.

Алла Сергеевна и Дина засмеялись. Леля бы тоже засмеялась, но сейчас ей было совершенно не до веселья. Все ее чувства, как будто парализовало. Она бы с радостью ушла из-за стола, но это вновь привлечет внимание матери, и она снова пристанет с вопросами, что случилось и что ее волнует.

– Надеюсь, тебя побудило заняться нейрохирургией не только задетое самолюбие и то, что учительница била тебя указкой именно по голове?

– Ну, не только это, – усмехнулся муж.

Разговор плавно перешел на профессиональные, медицинские темы. Родители с явным интересом занялись обсуждением статьи какого-то английского профессора, светила современной медицины. Воспользовавшись моментом, девочки, поблагодарив за ужин, быстренько поднялись и покинули кухню. Леле не терпелось скрыться с родительских глаз, а то сейчас покончат с обсуждением научного труда профессора и вновь переключатся на нее. А Дине просто хотелось заняться собственными, куда более интересными делами, не связанными ни с медициной, ни со школой.

– Да плюнь ты на эту училку. Подумаешь! – дойдя до комнаты, выдала Дина порцию сестринской поддержки младшей сестре. – Было бы вообще из-за чего переживать. Тебе всего-то в этой школе два года учиться. Ну, чуть-чуть больше. И не заметишь, как они пролетят. А можешь после восьмого класса в техникум пойти, правда, родители, конечно, не в восторге будут, – легкомысленно посоветовала старшая сестра. У нее все всегда было легко. Никаких проблем, никаких переживаний и трудностей.

– Ага, конечно, – буркнула Леля, представив, что начнется, объяви она отцу с матерью, что идет учиться на бухгалтера или на повара. Они конечно от нее не отрекутся и даже смирятся, уважая ее выбор, но будут страшно расстроены и разочарованы.

Динке легко говорить. Она даже не представляет, что такое, когда твоя жизнь – это один сплошной кошмар. У нее

всегда была куча друзей, она, как и мать, легко сходится с людьми, находит общий язык с кем угодно. Ее все обожают. Мальчишки, чуть не с детского сада, поголовно влюбляются в нее. Все их детство, абсолютно все, только и говорили, при виде Аллы Сергеевны, ведущей за руку своих дочек: «Какая Диночка красавица! Вся в маму. Прелестная девочка!». После чего, покосившись на Лелю, с некоторым смущением добавляли: «А Лелечка, наверняка, будет такой же умной и талантливой как мама, и как папа». Назвать Лелю красавицей, и уж тем более прелестной, видимо, ни у кого язык просто не поворачивался, даже ради того, чтобы порадовать Аллу Сергеевну. Конечно! Леля всегда была маленькой, излишне полной. Черты лица совершенно лишены той утонченности, что присутствовала у матери и у старшей сестры. Леля внешне, скорее походила на отца. Только если отец был, как про него, опять же все говорили, симпатяга, с обезоруживающей, располагающей к себе улыбкой и вполне нормальной, мужественной, даже привлекательной внешностью, то Леля была просто самым настоящим гадким утенком, а попросту говоря страшенькой. Широкоскулое лицо. Волосы не светлые, как у Динки и не светло каштановые, как у отца, а какие-то как будто их обильно присыпали пылью, тусклые, невыразительные, прямые как палки. Глаза тоже у отца были яркие, пронзительные, а у Лели бесцветно-серые, невыразительные. И она всегда была слишком стеснительной, замкнутой. Тяжело сходилась с людьми, с трудом заводила

друзей. Постоянно робела и всегда чувствовала себя некрасивой, неуклюжей, нескладной.

В прежней школе, в Томске, она нормально освоилась. У нее были подруги. И даже те с кем особой дружбы она не водила, относились к ней без враждебности. Никто не называл ее жирной или коровой, не тыкал пальцем в ее сторону со злорадной ухмылкой, перешептываясь с приятелями и хихикая. Леля не чувствовала себя изгоем или ущербной, не заливалась каждые две минуты краской от стыда или обиды. Там, в Томске, все было привычным. Все было как-то проще. Люди казались добрее, и не было такой разобщенности, как здесь. Ощущения, что каждый сам по себе, а на всех остальных плевать. Леля почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Подойдя к окну, она выглянула на улицу. Снег падал большими хлопьями, казалось, вообще не собираясь заканчиваться. Улица была покрыта белоснежным пушистым ковром, и крыши домов, и гаражи, и деревья, и скамейки во дворах, и сами дворы. Ненавистный Леле город. С самой первой минуты проведенной в нем. Месяц, что они жили в Москве, оказался самым ужасным месяцем за всю ее жизнь. Леля уткнулась лбом в прохладное стекло. Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь. Именно в новогоднюю ночь, когда куранты пробили двенадцать раз, и было выпито золотистое, пузырящееся шампанское – даже Леле на этот раз плеснули на самое доньшко полглотка, Вадим Николаевич Федоренко объявил о том, что его пригла-

сили работать в Москву. В новый медицинский центр, оснащенный современнейшим оборудованием. Прекрасная перспектива. Новые возможности. Отец сделал семье сюрприз. Вернее сюрприз был только для Лели с Диной. Мать, конечно, знала о предстоящем переезде, до этого. Она, впрочем, как и Дина, была рада тому, что они едут в столицу. Ей уже тоже предложили новую работу. Специалистов такого уровня, как они с отцом, был рад видеть у себя любой медицинский центр, любая больница. Дина, услышав новость буквально расцвела. Сияла ярче гирлянды, украшавшей елку. И только Леля восприняла сообщение без восторга. А если совсем честно, то просто категорически в штыки. Правда она надеялась, что что-то может еще измениться, и отец с матерью передумают. Или хотя бы подготовка к отъезду растянется на долгое время. Но, как оказалось, родители уже целый месяц занимались этим вопросом и просто ждали момента, когда все формальности будут улажены, прежде чем сообщить новость дочерям. Спустя две недели после того, как было сделано важное сообщение, семья Федоренко уже была в Москве. С этого самого дня, а может даже и с момента оглашения новости о переезде, Лелина жизнь превратилась в нескончаемый кошмар. Казалось, что она, как по волшебству, оказалась во враждебном, полном злобы мире, где все и каждый, ежесекундно пытаются сделать ее существование невыносимым. Где нет ни одного союзника, ни одной родственной души, за пределами собственной квартиры. Во-

круг сгустился непроглядный мрак и ни малейшего просвета впереди, или надежды на то, что этот мрак рассеется и хоть что-то изменится к лучшему. Леля утерла сбегающие по щекам слезы. Жизнь ужасна. Она вся состоит, как оказалось, из жестокости, несправедливости, насмешек, непонимания и одиночества. И ждать от нее что-то хорошее глупо и бессмысленно. Было так себя жалко, что хотелось завывать во весь голос. Но даже этого нельзя сделать. Прибегут мать с отцом, начнут допытываться, что случилось. Будут успокаивать, говорить всякие глупости, что все наладится, что у нее вся жизнь впереди. Ничего не наладится и не изменится. Никогда! У нее не жизнь впереди, а одни сплошные, нескончаемые мучения. Леля всхлипнула и прикусила губу. Ведь правда сейчас кто-нибудь услышит...

Глава 3

Вопреки опасениям, Адольфовна не набросилась на нее прямо в дверях класса, в попытке разорвать на куски или наорать и наговорить, что-то особенно обидное и унижительное. Напротив, математичка, даже, как будто специально старалась не смотреть в Лелину сторону и не приближаться к месту, где она сидит. Отводила взгляд или же смотрела как будто сквозь Лелю, если ее голова все же поворачивалась в сторону, где сидит новенькая. Раиса Владимировна, как и предрекала Дина, внутренне кипела негодованием. Мать нерадивой ученицы оказалась той еще штучкой. Вечно с этими интеллигентными мамашами одни проблемы. Еще имеют наглость указывать ей, педагогу с двадцатилетним стажем, как себя вести и что можно, а чего нельзя. Прямо такие все нежные и ранимые, фу-ты, ну-ты! Но теперь ведь демократия, будь она не ладна. Эта ретивая мамаша-профессорша ведь и в Министерство нажалуется, а там такое начнется, что жизни рада не будешь. Вот ведь свалилась на ее голову бездарная, неприятная во всех отношениях девочка, да еще, вдобавок ко всему, с такой матерью. Одни нервы на этой работе! Учишь, учишь этих малолетних тупиц, а потом еще и оказываешься виноватой, чуть не во всех смертных грехах.

На перемене к Леле подошла одноклассница Вика Волошина.

– Мама вчера была в восторге, от того как твоя мама поставила математичку на место. – Вика улыбнулась. – Все уши нам с отцом прожужжала. Теперь твоя мама ее героиня, пример для подражания, – смеясь, сказала Вика и потом добавила: – Хочешь, можем вместе сидеть. Если, конечно, ты не предпочитаешь сидеть одна.

Леля улыбнулась. Надо же, правдолюбка-мама, оказывается, не разрушила ее жизнь окончательно, а наоборот, вроде даже подтолкнула ее к тому, чтобы она начала налаживаться.

– Нет, не предпочитаю. Я очень рада, что буду сидеть с тобой.

Следующим уроком было черчение. У Вики с этим предметом плохо ладилось, и Леля помогала новой подруге сделать заданный чертеж детали в разрезе. Черчение Леля любила, и с ним у нее проблем никогда не было. Преподаватель, Борис Федорович, приятный интеллигентный старичок, с аккуратной седой бородкой, с улыбкой наблюдал за тем, как новенькая помогает Волошиной, совершенно не умеющей не то, что деталь начертить, а даже нормально прямую линию по линейке провести. Волошина, вроде, даже чего-то там сама начала пытаться делать и судя по радостной улыбке, видимо, вполне успешно. Учителю черчения и рисования, в отличие от математички, Леля Федоренко нравилась. Она, по его мнению, была девочкой вдумчивой, серьезной, возможно, немного мечтательной. Но разве это плохо? И внешность, за которую одноклассники, как он с огорчением за-

мечал, дразнили девочку, ему вовсе не казалась неприятной или отталкивающей. В новенькой девочке не было притворства или жеманства, свойственного многим в ее возрасте, да и во взрослом тоже. Она не пыталась что-то из себя изобразить, казаться не такой, как есть. И лицо у нее было достаточно приятное, только она почему-то, как будто стеснялась своей внешности, самой себя и от того была немного зажатой, угловатой и имеющиеся недостатки становились гораздо заметнее. Да еще редко улыбалась. Борис Федорович надеялся, что постепенно она адаптируется в школе, зажатость пройдет, и она еще расцветет, как это часто бывает. Многие подростки похожи на гадких утят, а потом, глядишь, проходит совсем немного времени, и вчерашний гадкий утенок превратился в белого, прекрасного лебедя, а если и не в лебедя, то все равно там расправилось, тут убралось, тут, наоборот прибавилось, и получилась вполне симпатичная девушка или парень. Просто, важно поддержать в этот момент взрослеющего человечка. Если видно, что у подростка трудности или комплексы, важно помочь ему преодолеть их, мягко, ненавязчиво. Но ни в коем случае не усугублять их, не делать жизнь ребенка, очень трепетно и болезненно ко всему относящегося в этот непростой период взросления, еще более трудной, не дать ему озлобиться или замкнуться, или навсегда превратиться в неуверенного и зажатого. Борис Федорович был убежден, также как и Лелина мать, что задача педагога, возможно даже первостепенная, научить детей не

только преподаваемому им предмету, а воспитать из каждого ученика личность. Помочь этой личности развиваться, найти себя, определить жизненный путь.

– Молодцы, девочки, – подойдя к парте, за которой сидели Волошина и Федоренко, в конце урока, похвалил Борис Федорович. – Ставлю вам обеим отлично.

Вика сияющими глазами посмотрела на Лелю.

– Теперь ты будешь моей героиней, – засмеялась она. – У меня ни разу по черчению выше тройки не было.

Леля улыбнулась Борису Федоровичу. Старенький учитель ей ужасно нравился. Вот бы все учителя были как он. Старик, посмеиваясь в бородку, пошел дальше, заглядывая в работы учеников, проверяя, кто как справился с заданием.

Глава 4

Февраль выдался на удивление теплым. Прошла пара обильных снегопадов, но температура почти весь месяц держалась на нулевой отметке, лишь изредка опускаясь, до минус одного-двух градусов. Выпавший снег, полежав немного пышными сугробами, спустя несколько часов начинал оседать, становился серым, ноздреватым, пропитанным влагой.

В спальном районе на окраине Москвы, в двухкомнатной квартире одной из типовых панельных двенадцатиэтажек, произошло знаменательное, можно сказать великое событие. Закончился, наконец, давно начатый и затянувшийся, чуть не на два года ремонт. Хозяйка квартиры, радуясь счастливому окончанию осточертевшего ей ремонта, с сопровождающей его пылью, грязью, шумом и неудобствами, рьяно взялась за уборку наконец-то окончательно обновленного жилища. Так как день был воскресный и двое отпрысков беспрестанно толкались и мешались под ногами, мать, решившая, во чтобы-то ни стало за выходной привести квартиру в порядок, вытолкала детей на улицу гулять. Пригрозив, что если они сунут свой нос домой до обеда, то она заставит их самих мыть полы, вытирать пыль и еще и мыть посуду.

Старший из мальчиков, Петя отправился на прогулку без особой охоты. Он уже совсем взрослый – одиннадцать лет, а придется несколько часов таскаться по улице с вечно ною-

щим младшим братом Сережкой, которому всего шесть. И к тому же он еще редкостный болван и приставала.

– Пошли, – буркнул Петя, с недовольством глядя на младшего брата, которого перспектива долгого гуляния очень даже радовала.

Увидев, что Сережка вцепился в санки, и тащит их с пыhtением и сопением с собой на улицу, Петя презрительно сказал:

– Ты совсем дурак? Снега почти нет, одни лужи. Где ты кататься собрался, идиот?

Сережка упрямо посмотрел на брата, продолжая волочить за собой громоздкие, тяжелые санки.

– Я скажу маме, что ты обзываешься, – пригрозил он, продолжая пыhtеть и сопеть. Петя все с тем же презрительным видом хмыкнул.

– А я тебе в ухо дам, понял? Маленькая вонючка!

Сережка уже открыл рот, чтобы возмутиться столь оскорбительным высказыванием в свой адрес и сказать в ответ тоже, что-нибудь обидное, но тут двери лифта открылись, и ему пришлось полностью сосредоточиться на заталкивании санок в кабину лифта.

– Сам будешь их таскать, осел, – выйдя на улицу, предупредил Петя. Дорожки были совсем без снега. Только в некоторых местах перед домом еще лежали посеревшие, покрытые налетевшей от машин грязью и копотью рыхлые сугробы. Потолкавшись во дворе и убедившись, что кататься тут и

впрямь негде, Сережка заныл, что нужно пойти за дом, к пустырю, где выгуливают собак. Там, наверняка, снега намного больше. Петя с неприязнью посмотрел на брата. Так и знал, что это будет не прогулка, а сплошное мучение. Но подумав, что за домом могут гулять ребята, с которыми он дружит, он грозным голосом сказал:

– Пошли! И только попробуй там снова начать ныть, – для большей доходчивости он вновь показал Сережке кулак.

На пустыре снега и вправду было побольше. Даже в некоторых местах были небольшие снежные холмики. Кататься, конечно, все равно было нельзя, но Петю это совершенно не волновало. Он увидел знакомых ребят и направился к ним, предварительно велел Сережке никуда не уходить.

– Катайся, – ухмыльнулся он, – ты же хотел.

Сережка обиженно сопя и косясь на старших ребят, которые никогда не брали его играть вместе с ними, попытался скатиться с одного из снежных холмиков. Ничего не получилось, санки не ехали, а проваливались в мокрый сугроб, застревая в нем. Сережка, так как выхода у него не было, и нужно было чем-то себя занять, пока противный, бессердечный старший брат развлекается в компании друзей, потащил санки к следующему холмику, по размеру чуть побольше. В надежде, что тут ему, наконец, повезет, и санки все же будут скатываться. Подойдя вплотную к весьма жалкой снежной возвышенности, Сережка заметил, что из снега проглядывает, что-то блестящее. Вспомнив книжку про приключе-

ния Ибрагима и найденные им сокровища, которую недавно читала ему мать, Сережка, бросив санки, принялся радостно разгребать снег. То, что навряд-ли кто-то спрятал сокровища в сугроб, его нисколько не смущало. Он еще мало знал о тонкостях жизни. По его мнению, сугроб был ничуть не менее подходящим местом, чтобы спрятать клад, чем какая-нибудь пещера или подземелье. Сережка осторожно убрал верхний слой снега, наслаждаясь моментом, не торопясь, стараясь растянуть столь приятное и необычайное событие, как находка клада. Убрав варежкой еще немного снега, Сережка замер, приоткрыв рот и часто-часто моргая. Из снега, вместе с блестящим кольцом, с крупным красивым камнем, прямо как в книжке, выглядывала кисть руки странного голубоватого цвета, на одном из пальцев которой, это самое кольцо и было надето.

– Петя!... – придушенным голосом позвал младший брат. Петя находился довольно далеко и увлекся игрой в разбойников, поэтому чуть слышный призыв, обращенный к нему, естественно не расслышал. Но когда улицу взорвал истошный вопль и затем вой, издаваемый братом Сережкой, Петя, да и остальные мальчишки, буквально подскочили от неожиданности. Находившиеся поблизости прохожие тоже на мгновение замерли. Кто-то схватился за сердце, кто-то вздрогнул, но ни один из тех до кого долетел душераздирающий вопль, не остался безучастным. То, что что-то произошло, понял каждый.

Капитан Александр Ерохин хмуро смотрел на то, что лежало перед ним в развороченном сугробе. Такое впечатление, что над телом поработал мясник. Зрелище было крайне неприятное. Даже после работы в отделе по расследованию особо тяжких преступлений больше семи лет, подобная картина вызывала некоторое внутреннее содрогание. Судя по всему, убитой было лет восемнадцать-двадцать. Конечно, трудно судить, тело, вернее то, что от него осталось, пролежало в сугробе, по предварительному заключению судмедэксперта, месяца полтора-два. Но девушка точно была совсем молодая.

На выезд Ерохина выдернули из дома, у него сегодня был выходной. Марина, как всегда в подобных случаях, была недовольна. И за время, которое ему понадобилось, чтобы одеться и собраться, успела высказать, в очередной раз, в резкой и даже довольно грубой форме все, что думает о его «идиотской» работе и о нем самом. Но сейчас Ерошенко было наплевать на недовольство жены. Он чувствовал злость. Попадись ему этот ублюдок, который сотворил такое прямо сейчас, он бы плюнул на все инструкции, на законность и правомочность действий и своими руками свернул бы больному сукину сыну шею.

— Вот бывают же ненормальные уроды! Вот чего у такого еб...го в голове, интересно творится? — сплевывая в снег, сказал Алексей Абдурахманов, подходя к напарнику. Алек-

сандр покосился на него. Ему было наплевать, что творится в голове такого уроды. Ему было всегда непонятно откуда такие вообще берутся. Это, конечно, скорее, из области психиатрии, выяснять, откуда такие берутся, и заодно, что у них в голове. Но все равно в его понимании никак не укладывалось, что человеческое существо может испытывать стремление совершать подобные вещи. И ведь, даже если удастся эту сумасшедшую тварь поймать, что очень и очень непросто, потому, что такие сдвинутые, как раз очень хитрые и осторожные, то ведь суд, наверняка, признает его невменяемым. И будет эта сволочь за казенный счет лежать в какой-нибудь больничке, для таких, как он. Жрать, опять же казенный, хавчик и наслаждаться, перебирая в своей ненормальной башке сладостные воспоминания, как он кромсал молоденьких девушек на куски. Ерошенко тоже сплюнул и достал пачку сигарет. Абдурахманов зябко поежился. Судя по помятому лицу и покрасневшим глазам, он вчера хорошо выпил. Но с другой стороны, у них и вчера, и сегодня законные выходные, так, что чем хотят, тем и занимаются. Это, в конце концов, не их вина, что псих убил девушку, изуродовал до невозможности и запихнул, то, что от нее осталось в сугроб. Сзади послышался шум. Возмущенный женский голос, что-то кричал. Александр пошел туда, где за полосатой лентой, отгораживающей место, где было найдено тело, от зевак, громко кричала женщина. Молоденький милиционер попытался оттеснить ее от ленты, обозначавшей границу, а она

с негодующим видом выговаривала ему что-то, и пыталась пройти вперед.

– Лейтенант, все в порядке. – Сказал Ерохин и обратился к женщине. – Добрый день, капитан Ерохин. Это Ваш сын нашел тело?

Женщина одарила капитана сердитым взглядом и всхлинула.

– Мой... Ему всего шесть. Как, скажите, на таком маленьком ребенке такой ужас может сказаться? – в ее голосе звучал упрек. Ерохин не знал, как скажется на шестилетнем мальчишке то, что он нашел в сугробе труп. Ему было жаль, что парнишке пришлось пережить такое потрясение. Но его вины тут нет. Мать ведет себя агрессивно и враждебно из-за того, что переживает за сына, это понятно. Но и она должна понять, что милиция здесь не причем.

– Куда вы только смотрите, что такие вещи кругом творятся? – совершенно очевидно, придерживаясь на этот счет иного мнения, заявила, опровергая мысли Ерохина, мать мальчишки.

– Милиция занимается тем, что ловит тех, кто совершает подобные преступления, – сказал Александр. Женщина пренебрежительно махнула рукой.

– Да ловите вы, конечно. Поэтому на каждом шагу режут и убивают. – Она с вызовом посмотрела на капитана. – Учтите, с сыном разговаривать не дам! Он и так пережил такое! Если есть вопросы, спрашивайте у меня.

Ерохин сдержал улыбку.

– Вас же не было с детьми на улице, когда это произошло, насколько я понял?

Женщина воинственно посмотрела на него.

– Не было. И что? С сыном, я сказала, говорить не позволю!

Капитан пожал плечами.

– Да, собственно говоря, мы и не собирались его опрашивать. Он же просто нашел тело. Ничего особо важного для следствия он сообщить не смог бы, так, что учитывая возраст, мы не станем его беспокоить.

Женщина открыла рот, закрыла и, не зная, что еще сказать, чем возмутиться, хмуро посмотрела на подошедшего к ним Абдурахманова.

– Мне жаль, что Вашему мальчику пришлось увидеть подобное, – сочувственно сказал Ерохин.

Женщина всхлипнула и покачала головой.

– Сама себя проклинаяю, что отправила их одних. Мы ремонт закончили. Хотела убраться. Вот и... – она заплакала.

– Мы можем прислать психолога, – сказал Ерохин. Мать мальчика махнула рукой.

– Да, ну... Что там ваш психолог... – продолжая всхлипывать, она пошла в сторону домов.

– Я, конечно, понимаю – мамаша переживает. Но милиция-то тут при чем, вот она сама-то как считает? Люди, вообще, чудные! – Абдурахманов раздраженно развел руками.

Ерохин улыбнулся.

– Она считает, что мы плохо работаем, и из-за этого происходят такие вещи.

Абдурахманов ухмыльнулся.

– Ага! Конечно, я забыл. Всегда милиция во все виновата.

– Да успокойся ты, – Александр положил приятелю руку на плечо. – Поехали. Нужно просмотреть списки пропавших за последние два месяца. Наверняка, о ее пропаже заявляли.

Абдурахманов с обреченным видом поплелся к служебной машине. Он бы тоже с удовольствием свернул шею психопату, из-за которого ему приходится тратить свой выходной и работать в таком состоянии, как сегодня. Голова разламывается и общее ощущение примерзкое.

– А маска-то была? – спросил Абдурахманов когда они уже отъехали от толпы зевак.

– А как же?! Этот ублюдок без своих е...х масок не может, – угрюмо отозвался Ерохин. – Рядом в сугробе лежала. Конечно, вся разъехалась и стала больше похожа на собачью блевотину, но уверен, на сто процентов, что до того как стать куском слипшегося дерьма, это была маска.

– Давай без образных эпитетов, – попросил Абдурахманов, чувствуя, как из глубин истомленного накануне организма, неприятной волной накатывает дурнота.

Ерохин усмехнулся.

– Ты сам спросил насчет маски.

– Ну, я бы мог и без подробностей обойтись.

Глава 5

1998г. апрель

Разложив перед собой довольно внушительный арсенал разнообразной косметики, Вика взяла вытянутый пенальчик с тушью, и со знанием дела начала красить ресницы щеточкой, похожей на крошечный ершик для посуды. Леля с удивленным любопытством рассматривала Викино богатство.

– У тебя столько косметики! – сказала она и немного смущенно добавила: – А мне мама не разрешает глаза красить. Ну, вернее она говорит, что еще рано, – быстро поправились Леля. Вика презрительно хмыкнула.

– Если бы я слушала все, что говорят предки, я бы ходила в наглухо застегнутом скафандре и целыми днями зубрила-бы литературу и историю. Косметику мне сестра двоюродная отдала. Ей ее хахаль из Франции привозит. Он у нее какой-то там крутой мен, все время по загранкомандировкам ездит.

Леля извлекла из груды косметики маленькую коробочку, из-под прозрачной крышки на нее смотрели два круглых глаза теней ядовито-голубого и еще более ядовито-розового цветов. Невероятная красота!

– Хочешь, накрасшу тебя? – щедро предложила подруга. – Цвета чумовые!

– Да, я вижу, – согласилась Леля насчет того, что цвета и

впрямь, просто сумасшедшие. – Нет, спасибо, не нужно. Не хочу маму расстраивать.

Вика закатила глаза.

– Так не расстраивай. Смоешь все до ее прихода, и никаких проблем. Я же свою не расстраиваю.

Леля помотала головой.

– Нет, это тоже самое, что обманывать. Не хочу.

– Ой, Федоренко! Как же ты жить-то будешь? – засмеялась Вика. – Ну, не перестаю удивляться, до чего же ты правильная. Таких, как ты, наверное, уж и нет больше никого. Единственный экземпляр. Эксклюзив!

Леля улыбнулась.

– Я не могу врать. И не умею. У меня, даже если пытаюсь обмануть кого-то, ничего не получается.

– Даже представить не могу, кого же ты пыталась обмануть, Федоренко. Небось, какому-нибудь полному кретину, чтобы его успокоить, пыталась сказать, что он не такой уж и тупица, но даже он тебе не поверил. – Вика закатилась от смеха.

После того, как Вика закончила свое преобразование, и стала походить на индейца готового начать ритуальный танец перед битвой с недружественным племенем или на одну из участниц бразильского карнавала, девочки отправились прогуляться. Глупо ведь было скрывать в стенах квартиры такую красоту. Срочно требовалось продемонстрировать ее миру, ну или хотя бы какой-то его части.

Дойдя до Лелиного дома, и в достаточной мере поразив всех встречавшихся им по пути, девчонки уселись на лавочку перед подъездом.

– Видела, как Ворона сегодня вырядилась? – Вика лениво поболтала ногой и посмотрела на подругу. – Это она перед Гаврилиным все строит из себя, старается показать какая она неотразимая. Прямо не знает, как привлечь его внимание, дура! А он даже и не смотрит на нее. – Вика фыркнула. – Сто лет она ему не нужна. Только и умеет воображать и делать вид, что она лучше всех.

Леля пожалала плечами. Одноклассница Катя Воронина, именуемая Викой не иначе, как Вороной, была и впрямь особой довольно неприятной, и к тому же действительно и воображалой, и задавакой. Когда Леля только пришла в новую школу зимой, Катя была одной из самых ярких гонительниц новенькой. Вечно насмехалась и провоцировала остальных, особенно ребят, подстраивать всяческие издевательства над Лелей. Но сейчас, теплым апрельским вечером, когда город, успокаиваясь, затихая, оставив позади дневные заботы и суету, постепенно погружался в приятные сумерки, Леле неохота было думать о зловредной, высокомерной, воображале однокласснице. Было хорошо просто сидеть, ощущая обволакивающее, нежное прикосновение теплого весеннего воздуха.

У Вики были свои причины недолюбливать противную Ворону. Она и сама была немного, а скорее даже по уши,

влюблена в одноклассника Валеру Гаврилина. Естественно, Воронина, обладавшая неприятным характером и одновременно являвшаяся самой симпатичной девочкой в классе, представлялась ей весьма серьезной соперницей. Хотя, Гаврилин, честно сказать, в упор не видел ни Воронину, ни Вика. Его волновал только хоккей, которым он занимался серьезно, посвящая все свободное время тренировкам и совершенно не думая о влюбленных в него одноклассницах. Так, что Вика, страдая от равнодушия и отсутствия взаимности с Валериной стороны, злилась на столь же неудачливую, как и она сама соперницу, скорее от отчаяния. Винить и превращать гадкую Ворону в глупую злодейку, было приятно, хоть какое-то утешение для страдающего от неразделенной любви девичьего сердца.

Девочки заметили приближающегося к ним Генку Сычова из параллельного класса. Генка был длинный, тощий. Из тонкой, белой шеи смешно выпирал острый кадык, что делало Генку чем-то похожим на гуся. Он был из тех ребят, которых, хоть и не причисляют уж совсем к ботаникам, но и по-настоящему «крутые» парни с такими не водятся и при случае не упускают возможности поиздеваться или отпустить в их адрес какое-нибудь обидное высказывание.

– Привет, – поравнявшись с сидевшими на лавочке Лелей и Викой, поприветствовал Генка, осторожно покосившись на Викин шикарный боевой раскрас. Прямо самец мандрила, сбежавший из зоопарка, естественно, про себя отметил он.

Генка очень гордился тем, что, несмотря на свое совсем еще не сформировавшееся подростковое, тщедушное тело, голос у него уже не звучал петушиным криком, как у большинства ровесников, а превратился во вполне солидный мужской басок. У Генки было не так много преимуществ перед сверстниками, а вернее их практически больше-то и не было. Поэтому, каждый раз слыша звук собственного голоса, он испытывал некое удовлетворение. Только, к сожалению, поговорить особо ему обычно было не с кем. Поэтому он обрадовался, увидев девчонок из параллельного, не отличавшихся уж какой-то особой вредностью и вполне возможно с ними даже удастся немного поболтать.

– Привет, – буркнула Вика с недовольным видом. Только занудного Сычова им не хватало. Леля, напротив, улыбнулась вполне дружелюбно. Они, правда, почти не общались, но Генка казался ей приятным парнем. Без дурацких выкрутасов. Безобидный и добродушный.

– Привет, – поздоровалась она.

Генка потоптался рядом с лавочкой. Идти домой ему не хотелось. А на улице делать тоже, в общем-то, было нечего. Друзей у Генки было не густо, как и у большинства «непопулярных» подростков. Их количество приближалось к нулю. Он взглянул на девчонок, раздумывая, может, они не начнут выступать, если он посидит с ними. Волошина, конечно, та еще зараза, с гонором и может запросто чего-нибудь сказать, типа того, чтобы он валил своей дорогой. А Леля Федоренко,

которая в школе недавно, девчонка добродушная. Она точно вредничать и задаваться не начнет. Генке она нравилась. Он хоть Волошину и не сильно жаловал, но был рад, когда заметил, что они с новенькой подружились. Она перестала выглядеть такой потерянной и несчастной, как вначале. Генке-то прекрасно было понятно, что она испытывала, придя в новый, враждебно настроенный класс. Он в новый класс не переходил, но ему и в своем хватало неприятных моментов. А в 8 «Б», куда попала новенькая, вообще большинство, прямо как на подбор, готово травить того кто недостаточно нахален и не может за себя постоять.

Судорожно соображая чтобы такое сказать, чтобы заинтересовать девчонок, Генка напыжился, уставившись стеклянным взглядом перед собой. Со стороны вид у него был смешной, даже глуповатый.

– Ты чего, Сычов? – насмешливо спросила Вика, заметив, как Генка замер с напряженным видом. – Прямо, как будто научное открытие делаешь.

Генка смутился. Леля покосилась на него и неожиданно рассмеялась. Только ее смех был не обидным и не злорадным, а каким-то добродушным и искренним. Генка тоже засмеялся. Вика закатила глаза. Понятно, добрая подруга «приняла в стаю» несчастного, одинокого Сычова.

– Ты, Сычов, вроде торопился куда-то? – предприняла Вика попытку «отлучения» от стаи, кажущегося ей нудным и неинтересным паренька.

– Да, нет, – пожал плечами Генка, делая вид, что не понял намека. – Я так, гулял. Погода хорошая. А вы чего тут сидите?

Вика посмотрела на него как на слабоумного.

– А где мы должны сидеть? Может в библиотеке?

Генка снова пожал плечами. По его мнению, библиотека была ничем не хуже, чем лавка у подъезда. Он, к примеру, любил читать, но, разумеется, признаваться в этом сверстникам было как минимум глупо. Точно сразу в разряд ботанов переведут и будут издеваться еще и по этому поводу.

– А я недавно интересную книгу читала, – сказала Леля, и Генка почти восхищенно и одновременно немного даже позавидовав ее смелости, посмотрел на нее. Надо же, оказывается, ничего такого нет в том, чтобы признаться в любви к чтению. Вон, Волошина, хоть и не пришла в восторг, как он, но и со скамейки от смеха из-за услышанного не упала.

– И чего за книга? – рискнул поинтересоваться Генка. Вика снова фыркнула. Вероятно ему, в отличие от подруги, она «ботанство» не была намерена прощать.

– «Скажи смерти нет» Франсуазы Саган. Я даже плакала... – Леля слегка улыбнулась.

– Ты, Лелька, тонкая натура, – снисходительно сказала Вика, но насмешки в ее голосе не было. Скорее она говорила даже с некоторой нежностью, как обычно говорят с ребенком, не разумным, но любимым. – А я никогда не плачу ни над фильмами, ни над книгами. Правда я не особо и чи-

тать-то люблю, но иногда бывает, прочту чего-нибудь, если интересно.

– А я всегда плачу, если что-то трогательное, – немного смущенно призналась Леля.

– А ты, Сычов, плачешь? – Вика с задорным вызовом посмотрела на навязавшегося им Генку.

– Я?! – Генка открыл рот, даже не зная как реагировать на столь откровенно-издевательский вопрос.

– Да, расслабься, Сычов. Шучу. Ты ж у нас мачо. Мужик. А мужики не плачут, – Вика закатилась веселым смехом. Леля тоже улыбнулась, а за ней и Генка. Спустя минуту все трое покатывались от смеха, уже сами не особо понимая над чем смеются, но всех троих охватило какое-то необъяснимое веселье.

– Ой, не могу, – всхлипывая от смеха и утирая выступившие на глазах слезы, сказала Вика. – Блин, у меня сейчас тушь потечет.

Сычов немного испуганно покосился на Вику, живо представив, что будет, если еще и тушь в самом деле потечет. Переплунет даже мандрила.

Отсмеявшись, они несколько минут просто сидели. Генка, на правах окончательно принятого в компанию, присел на край лавки.

– А у меня вот, что есть, – Вика достала из кармана пачку сигарет. Леля удивленно посмотрела на подругу.

– Ты, что куришь?

Вика неопределенно пожала плечами.

– Ну, не то чтобы... Так, иногда.

В пачке болталось несколько сигарет. Достав каждому по одной, Вика выудила из кармана коробок спичек. Леля чувствовала одновременно и страх и любопытство. Как человек случайно решившийся попробовать, что-то запретное. Вроде и желания особого нет, но и отказаться испытать новое ощущение мешает любопытство. Генка, напротив, испытывал почти ужас. Он пробовал месяц назад, что бы доказать ребятам из класса, во всю дымящим за углом школы во время перемен, что он не слабак, а такой же как и они крутой перец, вполне взрослый, со взрослыми привычками. После первой же затяжки его чуть не вывернуло. Перед глазами все закружилось, и он так и простоял с дымящейся сигаретой, пока она сама не догорела, не рискуя больше вдыхать противный горький дым. Короче, ничего доказать у него не получилось, только испытал весьма неприятные ощущения. Генка раздумывал, не сказать ли честно, что он не будет курить, но в это время Вика зажгла спичку и поднесла ее к торчащей из Лелиного рта сигарете. Секунду спустя, Леля страшно закашлялась. Глаза у нее выпучились, и она отшвырнула сигарету в сторону.

– Гадость какая! – просипела она. Вика пожала плечами, и чиркнув спичкой потянулась ею к Генкиной сигарете.

– Я не буду, – сказал он. – Мне, вообще-то тоже не нравится.

Ему показалось, что Леля посмотрела на него с одобрением и даже уважением. Генка произвольно гордо выпятил тощую грудь. Вика вновь пожалала плечами. Зажгла еще одну спичку, уже поднесла ее к собственной сигарете, но, так и не прикурив, затушила.

– Да я тоже не буду. Правда, гадость, – подойдя к мусорке, она выкинула пачку. – Это я так. Хотела попробовать. Все, вроде, курят. Но мне тоже не понравилось.

На улице стало почти темно. Зажглись фонари. Вокруг желтых, похожих на луну лампочек, кружились ночные насекомые. Где-то в отдалении лаяли собаки. В окнах домов зажигались один за другим огоньки. Подъехало такси и остановилось напротив подъезда. Из машины вышел светловолосый мужчина, склонившись над открытой дверцей, он протянул руку, и из машины выбралась женщина. Даже в свете фонарей было видно, что она очень красива. Темные, почти черные волосы, уложенные в красивую прическу. Ярко подведенные немного капризно изогнутые губы. Огромные глаза. И сногсшибательная фигура, которую подчеркивало облегающее, красивое платье до колен. Женщина чем-то напоминала актрис из старых американских фильмов. Такая же яркая, эффектная.

– А я тебе говорю, что не хочу! Сколько раз можно повторять? – раздраженно сказала женщина. В вечерней тишине ее слова отчетливо разнеслись по двору. Гордо вскинув голову, она быстро пошла вперед, цокая неправдоподобно высо-

кими тонкими каблуками. Бросив надменный взгляд на сидящих на лавочке подростков, темноволосая красавица вошла в подъезд, с силой хлопнув за собой дверь. Мужчина неторопливо шел следом. Довольно симпатичное лицо выглядело одновременно насмешливым и раздраженным.

– Привет, соседка, – поздоровался блондин, проходя мимо лавочки.

– Здравствуйте, – пробормотала Леля, радуясь, что на улице темно и при свете фонаря все же не так заметно, как ее щеки залились румянцем.

– Сосед? – лениво поинтересовалась Вика, когда блондин скрылся в подъезде.

– Да, – стараясь справиться с волнением, сказала Леля. – А женщина его жена.

– Мне кажется та еще стерва. Но красивая, – вынесла вердикт, скорая на суждения Вика.

Генка моргал глазами, все еще глядя на дверь подъезда. Женщина, приехавшая на такси, которую Вика причислила к разряду стерв, потрясла воображение, а заодно, и бушующий гормонами, болезненно отзывающийся на непосредственную близость столь сногшибательных форм, Генкин организм и особенно отдельные его части.

– Сычов, закрой рот. Злобная, красивая тетка уже ушла, и ее бюст тоже, – Вика засмеялась. – К тому же она для тебя явно старовата.

Генка сглотнул и оторвал, наконец, взгляд от двери.

– А мужик, кстати, ничего. Хотя, тоже, конечно, старый.

– Да, – почти шепотом мечтательно сказала Леля, то ли соглашаясь с первым утверждением подруги насчет соседа, то ли со вторым, то ли с обоими сразу.

– Ладно, домой пора, – сказала Вика. – А то сейчас Сычов еще какую-нибудь фотомодель увидит, так на лавке и застынет до утра.

Она пихнула Генку в бок маленьким кулачком.

– Пойдем, Сычов. Проводишь меня. Я, конечно, не модель, но ничего, зато потренируешься девушек провожать, ты же мачо, – Вика снова звонко рассмеялась.

Глава 6

1998г. май

Леля сердито нажимала кнопку лифта. Огонек не загорался, уже окончательно было ясно, что лифт не работает. Придется топать с восьмого этажа пешком. А потом, опять же пешком, топать обратно. Леля начала спускаться по лестнице, повторяя про себя, что нужно купить в магазине.

– Ну, что соседка, пешком приходится идти, – поднимаясь навстречу Леле, расплылся в улыбке сосед с девятого этажа, Николай Борисович.

– Здравствуйте, – оставив без внимания комментариев соседа, буркнула Леля. Николай Борисович, маленький, сухонький человечек лет пятидесяти, ей не слишком нравился. Он всегда улыбался, говорил что-нибудь шутливое, но Леле, по непонятной причине, чудилась какая-то неискренность и в его улыбке, и в словах. Казалось, что на самом деле, он совсем другой. Она не знала какой, но не такой, каким хочет казаться. К тому же сосед явно был нудноват, да к тому же несколько навязчив, что ли. Одним словом, Леля старалась, по возможности, избегать общения со стариканом, коим, в ее юношеском представлении, являлся Николай Борисович.

– Ты-то вниз бежишь. А я вот вверх поднимаюсь, – снова расплылся в улыбке Николай Борисович. – А мне-то уж, в отличие от тебя, лет-то дай бог сколько. Еле ползу, прямо

как черепаха, – Николай Борисович хихикнул.

Леля попыталась протиснуться мимо него по лестнице, но сосед не намерен был так быстро закончить разговор.

– Как у тебя учеба, Леля? Мама твоя говорила у тебя в этом году экзамены.

– Да, – снова буркнула Леля. Черт бы побрал этот лифт. И угораздило же ее пойти в магазин именно в то время, когда Николай Борисович будет подниматься по лестнице.

– Молодость, – мечтательно протянул сосед. – Вот, помню, когда я был такой как ты...

Леля похолодела. Неужели сейчас старик начнет мучить ее историями о своей молодости? Может соврать, что ей срочно нужно в аптеку, за лекарством? Врать Леля не любила, да и не умела, поэтому, настроившись на то, что это некое испытание, которые время от времени подкидывает нам жизнь, она приготовилась слушать нудные, совершенно не интересные ей рассказы соседа о днях его молодости. В это время со стороны лифта послышалось мерное гудение. Где-то хлопнули двери.

– О, лифт, наконец, заработал, – обрадовался Николай Борисович, забыв о том, что собирался посвятить Лелю в свои воспоминания. Леля тоже обрадовалась, что лифт так вовремя включился, спас ее, можно сказать.

– Леля, а ты не интересуешься марками, – Николай Борисович внимательно смотрел на юную соседку.

Леля неопределенно пожала плечами.

– Да нет...

– А то, я ведь страстный коллекционер, – Николай Борисович засмеялся. Смех у него был странный, похожий на шелест сухой травы или на шелканье крыльев насекомого. – У меня целая коллекция. Несколько тысяч экземпляров. Я уже лет двадцать увлекаюсь. Думал, может тебе интересно, – он немного грустно улыбнулся. – Коллекционерам всегда хочется кому-нибудь похвастать своими сокровищами. А мне вроде как некому, вот хотел показать тебе...

Николай Борисович махнул маленькой костлявой ручкой.

– Ну, ничего. Не бери в голову... Ну, беги, Леля. Беги. И так ведь задержал тебя. Хочется иногда поговорить. Я-то один живу...

Леля уже сделала шаг вперед и остановилась. Ей стало жаль одинокого смешного человечка. Это ведь и впрямь ужасно, когда ты совсем один и даже поговорить не с кем. Совсем недавно, она и сама ощущала подобное одиночество, страшно страдая из-за него. Это при том, что у нее есть семья. Люди, которые любят ее, стараются поддержать. А сосед совсем один. Он готов даже разговаривать с соседской девочкой подростком, лишь бы хоть ненадолго избавиться от ощущения одиночества и ненужности никому.

– Николай Борисович, я, если можно, с удовольствием взгляну на Вашу коллекцию. Я еще ни разу не видела ни одной настоящей коллекции. Я имею в виду, серьезной, – она улыбнулась, – не календарики и не вкладыши от жвачки.

Николай Борисович буквально просиял от радости.

– Конечно Леля. Я с радостью, поверь, с огромной радостью покажу тебе. – Он засмеялся и замахал маленькими ручками. – Ты не бойся, я покажу тебе только самую интересную часть коллекции, так что не задержу тебя надолго. Я же понимаю, молодежи со стариками скучно.

–

– А вот это – дореволюционные российские марки. Видишь, вот на этой, – тощенький палец ткнул в маленькую, на Лелин взгляд, довольно невзрачную марку, – нет штампа, то есть, марка не погашена. Таких непогашенных экземпляров всего тринадцать, – Николай Борисович радостно улыбнулся. – Представляешь, всего тринадцать штук! И одна из них у меня.

Он засмеялся. Леля, хоть и не понимала, как можно восторгаться этими крошечными клочками бумаги, тоже улыбнулась. Было довольно забавно видеть, как взрослый человек так радуется из-за подобной ерунды. Но, важно ведь, чтобы человек чувствовал себя счастливым, неважно из-за чего. Пусть даже и из-за обладания маленькими кажущимися большинству людей бесполезными кусочками бумаги.

Коллекция у Николая Борисовича была весьма обширная. Целых две полки в книжном шкафу были заставлены альбомами с марками. Кляссерами, как назвал их Николай Борисович.

Квартира у соседа была любопытная. Старинная тяжело-

весная мебель, с затейливой резьбой. Несколько настоящих картин в золоченых тяжелых рамах. И очень много книг. Причем художественной литературы было мало. В основном были книги по филателии, на разных языках. Много книг по искусству, по истории. Всевозможные словари. Были еще книги по психологии и даже книги по колдовству и магии. Очень старые. Николай Борисович, посмеиваясь, сказал, что не использует их по назначению. Просто старые книги это тоже его страсть, хоть и не такая большая как марки. Когда попадается, что-то любопытное, по доступной цене, он покупает. Во всей квартире был идеальный порядок. Ни пылинки. Все вещи аккуратно разложены. Алла Сергеевна тоже была поборницей чистоты и вечно гоняла мужа и дочерей, заставляя все раскладывать по своим местам, но у Николая Борисовича все, буквально сверкало. Очевидно, это было какой-то причудой старика. Даже, показав Леле какую-нибудь из книг, он потом ставил ее на место и аккуратно выравнивал корешки всех стоящих рядом с ней книг.

Взглянув на часы, Леля удивилась. Она провела в квартире чудаковатого, не симпатичного ей до сегодняшнего дня соседа, полтора часа и даже не заметила, как пролетело время, а она-то, идя к нему в гости, не сомневалась, что сойдет с ума от скуки и больше десяти-пятнадцати минут не выдержит.

– Спасибо, Николай Борисович, – искренне поблагодарила Леля. – Мне очень понравилось. Было очень интересно.

Честное слово!

– Да это тебе спасибо, Леля, – радостно улыбнулся сосед. – Порадовала меня, старика. Надеюсь, теперь мы подружались, будет желание, приходи. Всегда рад.

Глава 7

Дина стремительной походкой подошла к подъезду. Тонкие брови нахмурены. Красивое лицо сердитое, даже злое. Подумать только! И она и впрямь считала, что этот... этот, Дина даже не могла подобрать подходящего слова, для того, чтобы поточнее охарактеризовать отставленного ею, не далее как сорок минут назад, поклонника. Этот жадный, мелочный, недостойный слизняк! Вот он кто. А она и впрямь даже было подумала, что, возможно, он – тот самый! Дина брезгливо поморщилась. Какой же она была душой! Самой настоящей душой. Даже предыдущий поклонник, студент консерватории, тихонький, до тошноты интеллигентный Женя, который только тяжело вздыхал и нерешительно дышал в затылок, и занудством превосходил всех, кого Дина вообще знала в своей жизни, и то был в сто, нет в тысячу раз лучше и уж точно достойнее этого ничтожества. Нынешний воздыхатель, теперь уже перешедший в разряд бывших, Костик, был, как, по крайней мере, казалось, пока он не открыл свое истинное лицо, хорош во всем. Внешность, фигура вполне атлетическая, накачанная. Костик за собой следил, посещал спортзал, даже на массаж ходил. И поговорить умел, и чувство юмора имел вполне приличное. Престижная работа, хороший заработок. Костику было уже двадцать восемь – состоявшийся, взрослый мужчина. Одежда всегда от-

лично сидит, подобрана со вкусом, дорогая, хорошего качества. Ухаживал красиво – цветы, конфеты, прогулки по ночной Москве на собственной машине, между прочим, недешевой иномарке. Кино, кафе, даже в театр один раз сходили. Правда Костик, явно скучал во время спектакля, но это ничего – Дина и сама не была такой уж ярой поклонницей этого вида искусства. Вон отец, так театр просто терпеть не может, а ведь умнейший человек, чуть ли не гений в своей области медицины. Одним словом, Костик был практически мечтой для юной, еще вполне романтической девушки. До сегодняшнего дня. Да! Именно сегодня он пал в глазах возлюбленной, что называется, ниже плинтуса.

Встретив Дину из института, естественно на машине, что приносило ему дополнительные очки как поклоннику, так как сокурсницы смотрели с нескрываемой завистью на Дину, и с не менее нескрываемым восхищением на ее красавчика бойфренда, Костик галантно помог Дине сесть в автомобиль и сверкнув ослепительной улыбкой, объявил, что сегодня они едут в ресторан. Не в кафешку и даже не в маленький уютный, но простенький ресторанчик, а в дорогой, французский. Где можно попробовать самые изысканные блюда и обслуживание не хуже чем в парижском Максиме.

Дина чувствовала себя на седьмом небе. Костик казался ей сегодня, как никогда привлекательным, остроумным и прекрасным. Все его достоинства, как грани бриллианта в лучах света, проявились сегодня еще более ярко и отчетли-

во. Именно в тот момент, когда они сидели за столиком и официант, с почтительным видом, как в фильмах, наливал в бокалы по глотку вина на пробу, Дина окончательно, ну почти окончательно, уверилась, что мужчина, сидящий напротив нее – ее судьба.

Закончив обед, Дина отправилась «попудрить носик». Вернувшись в зал, она с некоторым удивлением обнаружила Костика, сидящего за столиком с калькулятором в руках. Рядом, с непроницаемым лицом, стоял гарсон. Костик с сосредоточенным видом нажимал кнопки калькулятора. Лицо у него было злое. Перед ним, на столе лежал счет за обед.

– Что случилось? – взволнованно спросила Дина. Костик выдавил улыбку.

– Да ничего. Все нормально. Сейчас поедем. Эти придурки решили меня нагреть. – В этот момент брови его приподнялись вверх, и он с торжествующим видом ткнул пальцем в счет. – Вот! Я же говорю! Салат с мясом краба. Девушка, – Костик бросил нежный взгляд на Дину, – заказывала половину порции, а тут, – он снова потыкал пальцем в счет, – целая. А?! Нормально?!

Глаза Костика злобно уставились на официанта.

– Дурака из меня сделать хотели? Пожиться? Конечно, небось, думали клиент дурак, не заметит. – Костик сложил пальцы в кукиш и ткнул им в лицо официанта, который, как показалось Дине, поглядывал на разошедшегося гостя насмешливо. Отвесив легкий поклон, официант совершенно

спокойно сказал:

– Приношу свои извинения. Вышла ошибка, сейчас Вам все пересчитают и я принесу новый счет.

– Да в жопу засунь свои извинения, – рявкнул, забывшийся от переполнявшего его чувства возмущения, Костик. Дина вытаращила глаза. Вернее глаза она вытаращила еще тогда, когда услышала про половину порции салата. А сейчас они просто почти вылезли из орбит.

– Я сейчас остальное проверю, – зыркнув недобрым взглядом на официанта, сказал Костик. – А то ты ж в школе не учился, считать не умеешь. Еще там где-нибудь ошибся, а денежки из моего кармана. Сейчас пойдем, не волнуйся, – последние слова, были произнесены совсем другим тоном и предназначались Дине.

Уголки губ официанта едва заметно дрогнули. Во взгляде сквозила уже даже не насмешка, а явное презрение. Хотя весь его внешний вид, по-прежнему, выражал почтительность – клиент всегда прав, даже если клиент настоящий козел или жмот, или и то и другое сразу.

Дина чувствовала, как ее лицо заливают краска стыда, а внутри все сжимается. Конечно, возможно случайно, а скорее всего, намеренно, официант смухлевал со счетом. Поступок бесчестный, не заслуживающий восхищения и одобрения. Но Костик каков! Устроить такую сцену из-за лишней пары сотен, в присутствии девушки, которую хотел поразить, пригласив в дорогой ресторан. Дина видела все вокруг себя

как в тумане. Наконец, Костик закончил подсчеты, явно сожалея, что больше ничего лишнего в счет не включено, расплатился, потребовав вернуть всю сдачу до копейки, так как «воровская рожа» официант, по его мнению, не заслуживает ни рубля чаевых. Дине показалось, что официант посмотрел на нее с некоторым сочувствием.

– Нет, видела какие козлы! С каждого так снимут денег и жизнь в шоколаде. Уроды! – возмущенно сказал Костик, подходя к машине. И с сокрушенным видом добавил. – Эх, вот я лоханул. Нужно было еще потребовать скидку за моральный ущерб. Можно, конечно вернуться... Да, ладно, пусть подавятся, – махнув рукой, сказал он великодушно.

Улыбнувшись Дине, он попытался обнять ее за плечи.

– Извини, что так вышло, ладно? Кто ж знал...

Дина увернулась от руки ухажера.

– В жопу себе засунь свои извинения, – отчеканила она. На этот раз глаза из орбит вылезли у Костики, а заодно отвисла челюсть. Дина развернулась и пошла прочь от машины. – Не звони мне больше, – крикнула она, не оборачиваясь.

– Дина!...

Дина быстро шла в сторону метро. Через несколько секунд до нее донесся наполненный злобой и обидой голос напрасно потратившегося на обед кавалера:

– Да пошла ты, сука!...

Дина судорожно сглотнула, и гордо вскинув вверх подбородок, ускорила шаг.

—

Обуреваемая эмоциями, Дина резко распахнула дверь подъезда, после чего захлопнула ее с таким грохотом, как будто разорвалась небольшая граната. Перед содрогнувшейся дверью, со стороны улицы, на асфальте остался лежать тонкий шелковый шарфик, слетевший с шеи девушки. Яркая ткань выглядела похожей на прекрасный экзотический цветок.

Жильцы одной из квартир первого этажа, пожилая пара, сидевшая за вечерним чаем, услышав, как в очередной раз грохнула подъездная дверь, укоризненно покачали головами.

— В этом доме, Софочка, живут одни сумасшедшие, — беря из хрустальной вазочки печенье, сказал маленький сморщенный старичок. Жена покивала головой.

— Да, Марик. Зря ты согласился на первый этаж, — сказала она. Муж пожал плечами.

— Но, согласись, Софочка, все-таки двушка, хоть и на первом этаже, это лучше чем одна комната.

Жена снова покивала головой.

— Это таки да, Марик. Но если людям нет покоя, даже десять комнат будут не в радость.

Муж сокрушенно вздохнул и потянулся за очередным печеньем.

— Да, Софа. Когда вокруг одни сумасшедшие ничего другого ждать не приходится.

Жена снова кивнула и, сделав глоток из своей чашки, задумчиво сказала:

– А цены?! Ты видел, Марик, какие в магазине цены? Определенно все вокруг сошли с ума. Мы живем в сумасшедшем мире.

– Да, Софа.

–

Мужская рука потянулась к яркому лоскуту, лежавшему на асфальте. На мгновение, приложив ткань к лицу, мужчина глубоко вдохнул ее запах. От шарфа исходил легкий приятный аромат духов, едва уловимый запах сигаретного дыма, и нежнейший, еле-еле чувствующийся запах девичьей кожи. Мужчина почувствовал, что через его тело как будто прошел электрический разряд. Взглянув по сторонам, он убрал шарф в карман. Губы тронула улыбка. Он ощутил прилив энергии, радость.

Предвкушение. Это самая лучшая часть. Возможно, даже, лучше, чем все остальное.

Глава 8

Иван Данилович Лопахин в юности мечтал заниматься археологией. Когда дело дошло до поступления в ВУЗ, мать решительно воспротивилась сделанному сыном выбору, считая, что он витает в облаках и увлечение странным, на ее взгляд, никому не нужным занятием, это совершенно не серьезно. Нужно думать о будущем, а не предаваться глупым романтическим мечтам. Мужчине нужна нормальная профессия, которая сможет и прокормить, и сделать его уважаемым, полезным членом общества, а не ковыряющимся в пыли, в попытках отыскать очередной черепок или ржавый гвоздь, чудаком.

Под нажимом матери Иван Данилович поступил на экономический факультет. Учеба и последующая работа ему не нравились. Но мать твердила, что это пройдет. Неустанно повторяя, что потом сын ей еще спасибо скажет. Поумнеет, повзрослеет, начнет разбираться в жизни. Но Иван Данилович повзрослел, поумнел, и матери уже давно не было на свете, а работа, так и не доставляла ни радости, ни удовлетворения. Чувства благодарности к тому, что мать подтолкнула его в «нужном» направлении так и не пришло. Разумеется, теперь уже глупо и бесполезно было сожалеть о прошлом, и уж тем более что-то менять – жизнь-то уже, считай, прожита, но, в глубине души, Иван Данилович, все эти годы чувствовал

разочарование и даже обиду. Как будто его несправедливо обделили, лишили чего-то, что было ему положено по праву. И на жизнь хватало, и на работе ценили, и относились с уважением, а жизнь как будто прошла мимо.

Лет пять назад, когда Иван Данилович достиг уже вполне солидного возраста, появилась у него новая мечта. Не такая романтическая, конечно, но все же. Иван Данилович загорелся идеей обзавестись собственным домом. Жить за городом, возиться в земле, пусть и не с целью найти какие-нибудь уникальные, представляющие научную ценность, предметы старины, а выращивая банальную морковку, редиску, помидоры. Ни о каком шикарном доме Иван Данилович не мечтал. Откуда у рядового экономиста такие деньги? Но на небольшой участок земли со скромным домиком, скопленных им сбережений вполне хватало. Был он холост, денег на себя тратил не много, так, что на счете в банке скопилась довольно приличная сумма. Иван Данилович начал просматривать объявления о продаже участков. Обратился в несколько агентств по торговле недвижимостью, и вот, два года назад, он, наконец, стал счастливым обладателем садового участка и симпатичного домика, который пришлось только чуть-чуть подремонтировать и привести в порядок. Впервые с того момента, как Иван Данилович отнес документы на экономический, он ощутил внутри себя настоящую радость.

Два дня назад в жизни Ивана Даниловича произошло важное событие. Знаменательное. Иван Данилович обрел новый

статус, начался, можно сказать, новый жизненный этап – он перешел в разряд пенсионеров. Коллеги с должным уважением и торжественностью проводили его на заслуженный отдых. Начальник даже предложил старому, проверенному сотруднику продолжать трудиться, хотя бы на полставки, но Иван Данилович, категорически отказался. « Я, может, только жить начинаю, – весело процитировал он всем известного почтальона Печкина, – на пенсию перехожу». Начальник повздыхал – молодежь-то не отличалась ни ответственностью, ни исполнительностью, но конечно пожелал Ивану Даниловичу всего наилучшего в его начинающейся новой жизни, и успехов в фермерско-земледельческих начинаниях. Иван Данилович решил, что теперь он птица вольная, и потому может «разгуляться» по полной, и попробовать заняться, помимо огорода, еще и разведением кроликов. Не на продажу, конечно, а исключительно для души. Пребывая в самом радостном настроении, встав с первыми лучами солнца, новоиспеченный пенсионер, бодрой походкой, устремился на железнодорожную станцию, чтобы успеть на самую раннюю электричку, идущую до населенного пункта, рядом с которым и находилась его дача. Старенький автомобильчик, купленный специально для поездок за город, к сожалению, очень некстати забарахлил, и пришлось отогнать его к знакомому в автосервис. Но такая мелочь не могли помешать человеку обретшему, наконец, свое место в жизни, а теперь еще и располагающему достаточным количеством времени.

Прижимая к себе приготовленный для изготовления клеток рулон металлической сетки, Иван Данилович вошел в почти пустой вагон и, радостно улыбаясь, сел у окошка. Жизнь, все-таки отличная штука, когда есть цель, и желание что-то делать.

Спустя сорок минут Иван Данилович вышел на пустую платформу маленькой подмосковной станции. С обеих сторон от железнодорожных путей плотной стеной подступали сосны. Красота! Воздух, даже здесь, возле железной дороги, не в пример московскому, свежий, бодрящий. Хочется дышать полной грудью. Жить хочется! Насвистывая, Иван Данилович направился к маленькой лесенке, спускающейся с платформы. До дачи можно было проехать пару остановок на местном автобусе. Но автобус этот ходил по расписанию и крайне редко. А утро такое чудесное, и на сердце так радостно, что Иван Данилович решил прогуляться пешком через лес. Молодецки крикнув, он взвалил увесистый рулон сетки на плечо и зашагал по уходящей вглубь леса, протоптанной местными жителями довольно широкой тропе.

Пройдя полпути, Иван Данилович уже стал ощущать, что проклятая сетка, казавшаяся вначале не такой уж и тяжелой, оттянула все плечи и с каждым шагом все ощутимее тянет его к земле. Передохнув немного, новоиспеченный пенсионер двинулся дальше. Впереди был спуск с холма, довольно крутой. А там уже рукой подать до участка. Иван Данилович приободрился. «Ничего, ничего», – повторял он про себя.

В одном месте из земли, размытой дождями, выглядывали вверх изогнутые корни дерева. Совсем умаявшись со своей ношей, Иван Данилович не заметил коварной ловушки и, зацепившись ногой за выступающий корень, потерял равновесие и вместе с сеткой полетел вниз, свалившись в острые колючие кусты, росшие у подножия склона.

Несколько оглушенный падением с довольно приличной высоты, Иван Данилович осторожно попробовал приподняться, опасаясь, что запросто мог вывихнуть себе что-нибудь или даже сломать. «Старый дурак!» – мысленно обругал он себя. Никаких особых повреждений, кроме царапин и порванной рубашки он, к своему большому облегчению, не обнаружил. Кряхтя и отдуваясь, все же возраст давал себя знать, Иван Данилович потянулся к застрявшей между ветками куста сетке. Наклонившись чуть ниже, в попытке отцепить запутавшиеся ветки Иван Данилович замер, разом забыв и про сетку и про ноющее от удара о землю колено. Прямо на него смотрели широко открытые глаза. Глаза были красивые и совершенно очевидно неживые. По тонко очерченной брови ползла какая-то букашка. Иван Данилович непроизвольно потянулся, чтобы убрать нахальное насекомое. Отдернув руку, он всхлипнул и быстро начал отползать назад, не в силах оторвать взгляда от застывших, невидящих глаз мертвой женщины. Ему был хорошо виден, аккуратно повязанный на шее яркий шарфик. Иван Данилович вскочил на ноги, и, прихрамывая на ушибленную ногу, как

можно быстрее устремился к видневшимся впереди домам.

– Помогите! Кто-нибудь, помогите! – голос сорвался, и Иван Данилович, чувствуя, как озноб пробирает все тело, заковылял еще быстрее, прочь от страшного места.

–

Александр Ерохин в очередной раз, страница за страницей, пролистывал папки с делом, подробности которого он знал уже наизусть.

Сегодняшняя девушка была четвертой. По крайней мере, четвертой из тех о ком известно правоохранительным органам. Две девушки в год. И если этого психопата не удастся найти, то через несколько месяцев будет новая жертва. Наверяд-ли он остановится. Ерохин раздраженно захлопнул папку и взял следующую. Все убийства совершены с особой жестокостью. Убийца, вероятнее всего, некоторое время наблюдает за намеченной жертвой. Изучает привычки. Куда и в какое время, выбранная им девушка обычно ходит. Он явно действует не спонтанно. Готовится. К жертве он подкрадывается сзади и слегка оглушает. Потом, скорее всего, заталкивает бесчувственное тело в машину и отвозит куда-то, где он может спокойно тешить свои ненормальные фантазии, не опасаясь, что ему кто-то помешает. Вероятно, у него есть какое-то специальное место. Логово, как у дикого зверя. Бешеного зверя. По отчетам судмедэкспертов, чертов ублюдок сначала истязает жертву, орудуя ножом. Делает надрезы на коже, начиная с совсем не глубоких, постепенно нано-

ся все более болезненные и глубокие раны. Но не смертельные. Жертва страдает от боли, и естественно, все то время, что длится пытка, переживает еще более сильные, чем боль, психологические страдания. По словам психолога, именно страх жертвы доставляет больному уроду наибольшее наслаждение. После того, как он в достаточной мере поупражняется с ножом и натешится чувством страха девушки, он душит ее шарфом или платком. На этот раз он оставил шарф на шее жертвы. Намеренно. Шарф был повязан с особой тщательностью явно уже после убийства. Зачем – непонятно. Очевидно, таков был очередной каприз психопата. Каждый раз рядом с телом убийца кладет маску. Очень искусно сделанную, скорее всего им самим. Маски всегда разные. Яркие, немного похожие на венецианские. Только они изображают каких-то то ли мифических, то ли сказочных персонажей. Одним словом, больной на всю голову ублюдок.

Зацепок, свидетелей – ноль. Ну, почти ноль. В момент похищения первой девушки, неподалеку проходил старик с собакой. Собака залаяла. Старик почти ничего не видел, да и не понял вначале, что происходит. Он подумал, что кто-то помогает девушке сесть в машину. Он видел спину того, кто сажал ее на пассажирское сидение. Успел разглядеть женскую ногу, обутую в туфлю на высоком каблуке. Похититель, по словам старика, очень осторожно приподнял ногу с тротуара и поставил в машину. Старик даже подумал, что, возможно, женщина беременна и заботливый муж так

трогательно за ней ухаживает. Машина, вроде, жигули. Но свидетель не был уверен. Цвет то ли серый, то ли голубой, то ли и вовсе белый. В свете фонаря он не разглядел. Да и не особо присматривался. И вообще зрение у старика было не очень. Вот такой свидетель. Ничего другого вообще нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.